

Рубль

Въ міръ масокъ.

(На вчерашней генеральной репетиціи въ Свободномъ театрѣ).

„Покрываю Пьеретты“ — очаровательная пантомима Шницлера переноситъ въ милый и призрачный міръ масокъ; она въ смѣнѣ трехъ картинъ, подъ музыку Донани, граціозную и выразительную, даетъ изображеніе трагической судьбы несчастныхъ возлюбленныхъ, бѣдлыхъ фигуръ старыхъ пѣсенокъ—Пьеро и Пьеретты, она въ пестромъ, причудливомъ хороводѣ рисуетъ гостей на свадебномъ пиру, гризетокъ въ мансардѣ, ревниваго Арлекина, забавныхъ музыкантовъ... Но эта пѣсенка о миломъ Пьеро обрывается рефреномъ трагическимъ... Умираетъ бѣдный влюбленный и у ногъ его несчастная Пьеретта, познавшая трагедію той любви, которая была въ началѣ шуткой...

Когда смотришь такую вещь, то воображаешь ее въ спектаклѣ интимномъ, такомъ, что бережно сохранить хрупкость этихъ фигуръ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить всю ихъ выразительность. Кажется, что перенесенная на подмостки иного театра, театра, рассчитаннаго на широкую публику,—она потеряетъ свою наивность и плѣнительную нѣжность, переходящую, однако, въ пафосъ отчаянія и скорби...

И когда кончился первый актъ, поставленный изящно, но сыгранный безъ должной выразительности, то показалось, что судьбѣ спектакля грозитъ опасность остаться зрѣлищемъ, мало волнующимъ и мало трогающимъ...

Второе дѣйствіе—балъ—поставленъ блестяще: толпа гостей и движется и танцуетъ, и переживаетъ выразительно и ярко. Костюмы, декорация, освѣщеніе—все сливается въ аккордъ гармоничный и стройный. На фонѣ праздничнаго веселья въ толпѣ разодѣтыхъ и пышныхъ приглашенныхъ, черная фигура ревнующаго Арлекина пріобрѣтаетъ еще большую выразительность. Исполнитель этой роли очень ритмиченъ и достаточно темпераментенъ...

Вспышка отчаянія и гнѣва, овладѣвшая женихомъ, появленіе Пьеретты, таящей ужасъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, этотъ вынужденный тавецъ и страшное видѣніе призрака—мертваго Пьеро—все это сыграно отлично...

И эта сцена—лучшее мѣсто спектакля, который къ своему концу вообще становится болѣе значительнымъ. Последнее дѣйствіе, такое жуткое, полное отчаянія и страха смерти—проводится г-жей Кооненъ очень сильно...

Но суммируя наши впечатлѣнія, видимъ, что спектакль вышелъ отягченнымъ, онъ былъ затянутъ и большими антрактами и плохо поставленнымъ „прологомъ“, въ которомъ стихи Ю. К. Бальтрушайтиса, стихи, насыщенные мыслью и образностью, тускло читала исполнительница роли Сибиллы, и, наконецъ, неизвѣстно для чего сыгранной въ самомъ началѣ симфоніей Штрауса „Смерть и Просвѣтленіе“.

Какъ зрѣлище, это былъ спектакль достаточно интересный, но поднялся ли онъ надъ уровнемъ зрѣлища? Мѣстами, конечно, да... Мѣстами же онъ оставался лишь зрѣлищемъ, къ тому утомляющимъ своею длительностью.

Конечно, на генеральной репетиціи обычная публика премьеръ... Много артистовъ Художественнаго театра во главѣ съ К. С. Станиславскимъ, режиссеры Н. Н. Званцевъ, Ф. Ф. Комиссаржевскій, представители артистическаго и литературнаго міра.

Особаго „жгучаго“ интереса и споровъ спектакль не вызвалъ, но надо констатировать несомнѣнный внѣшній его успѣхъ: аплодировали послѣ каждаго акта.

Ю-с-вѣ.